

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2016 – 1 (283)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2016**

Научно-информационный бюллетень
«Россия и мусульманский мир»

Коллектив авторов
**Россия и мусульманский
мир № 1 / 2016**

«Агентство научных изданий»

2016

Коллектив авторов

Россия и мусульманский мир № 1 / 2016 / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2016 — (Научно-информационный
бюллетень «Россия и мусульманский мир»)

В журнале публикуются научные материалы по текущим политическим, социальным и религиозным вопросам, касающимся взаимоотношений России и мировой исламской уммы, а также мусульманских стран.

© Коллектив авторов, 2016

© Агентство научных изданий, 2016

Содержание

Современная Россия: Идеология, политика, культура и религия	6
Внешняя политика и ценностные ориентиры	6
Инфраструктура технологического развития России: Состояние, становление, перспективы	15
Место и роль ислама в регионах Российской Федерации, Закавказья и Центральной Азии	26
Обзор мусульманских идеологических течений в Волго-Уральском регионе (XX-XXI)	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Россия и мусульманский мир Научно-информационный бюллетень 2016 – 1 (283)

*КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – НЕТ!
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ МЕЖДУ
ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – ДА!*

Современная Россия: Идеология, политика, культура и религия

Внешняя политика и ценностные ориентиры

В. Никонов, председатель Комитета по образованию Государственной думы, председатель правления фонда «Русский мир», член Высшего совета партии «Единая Россия», доктор исторических наук

Внешняя политика и ценностные ориентиры проходят не только через международные отношения, но и во многом через нашу внутреннюю политику. Потому что идет очевидное столкновение двух ценностных картин мира. Мир очень по-разному выглядит со стороны The New York Times или французского телевидения и с точки зрения нормального российского восприятия.

Людей пытаются убедить, что западный мир сделал правильный цивилизационный выбор, а Россия сделала неправильный выбор и выпала когда-то из католического мейнстрима, который устремился вперед, став величайшим культурным явлением. Россия оказалась под властью монголов, а Европа осваивала вершины мировой науки. В Европе возникали свободные города, процветали Ренессанс, Реформация, религиозное очищение, религиозная свобода, а в это время Россия была страной крепостничества, отсталости и религиозных гонений. В то время как Запад нес цивилизацию, Россия поработала народы Евразии. Европа дала миру национальные государства, принесла демократию как основную ценность современного мира, а Россия никаких ценностных ориентаций предложить не смогла. Европа, Запад предложили концепцию прав человека, а Россия и Советский Союз – тоталитарную политическую модель. Запад сегодня защищает права меньшинств, как национальных, так и сексуальных, а Россия, наоборот, занимается их поработанием. Действительно – целостная ценностная картина, которую предлагает Запад. И во многом эта картина совпадает с тем, как видят ее многие наши российские либералы. В этой картинке на самом деле нет ничего верного, кроме того, что пиар мог быть и лучше.

К вопросу о цивилизационном выборе. Некоторые думают, что его делают сейчас, сегодня. Например, Порошенко говорит о цивилизационном выборе для Украины. На самом деле цивилизационный выбор – это то, что давно сделали наши предки. Для Руси это был выбор православия, принятия его от Византии, тогда как Запад был католическим и распространялся как феномен именно через принятие римского католицизма и коронования из Рима европейских королей.

В тот момент, когда выбор делался между Византией и Римом, он был сродни современному выбору между Парижем и Бантустаном. В тот момент Константинополь являлся величайшей столицей мира, а Византия – величайшей империей. Ее рассматривали центром мироздания. И основания для того были: конкурентом Византии по уровню культурного развития являлся только Китай. В Риме в тот момент население не превышало 20 тыс. человек, власть Папы не распространялась за пределы Ватикана. Европа была сельской цивилизацией, в отличие от византийской. Она еще не знала, что такое романская архитектура, что эта архитектура туда придет из Византии. После романской архитектуры появится готическая архитектура. В это время Византия задавала высшую планку развития человеческой цивилизации – по уровню развития архитектуры и науки. Причем науки универсальной, впитавшей в себя высшие плоды восточной науки и восточной мудрости, эллинистического мира и западной учености.

В это время на Западе даже библиотек не было. В Европе только к XIII в. начали постигать науки, переводя научные труды с греческого, арабского, персидского языков. Даже труды Аристотеля и Платона Запад узнал через Восток. Свет приходит с Востока – говорили тогда. А Востоком для Европы была Византия.

Поэтому Руси повезло – мы восприняли и православие, и культуру сразу на пике их развития. Мы оказались одной из очень немногих наций на планете, которые могли воспринять слово Божье на родном языке, благодаря усилиям святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Они создали славянскую письменность, трансформировав греческую и добавив к греческому алфавиту еще восемь букв. Благодаря новой письменности мы познали на очень высоком уровне все научные сокровища того времени, получили Священное Писание, предания, литургию, архитектуру. Киев во многом пытался копировать Константинополь. И небезуспешно.

Культура Киевской Руси была намного глубже, обширней, чем культура Западной Европы того времени. Все, кто изучает русское летописание, например Джеймс Уильям, пишут, что русские летописи совершенно не сравнимы с западноевропейскими хрониками, созданными в то же время. Они гораздо богаче, историчнее, содержат больше информации и написаны более образованными людьми.

Русь к XI в. была почти поголовно грамотной, особенно в городах, благодаря усилиям церкви, о чем свидетельствуют берестяные грамоты и граффити, которые чертили на стенах во всех наших древних соборах. Баловались люди, но это было свидетельством поголовной грамотности.

Когда Анна Ярославна, дочь Ярослава Мудрого, стала королевой Франции и отправилась в Париж, к своему мужу Генриху I, выяснилось, что она была тогда не только самой образованной женщиной. Она была еще самым образованным человеком при дворе короля, включая и короля, который не мог писать по-латыни. А она писала и знала несколько языков. На том Евангелии, которое она с собой привезла, затем давали присягу все короли Франции. Это свидетельствует, что они понимали, откуда исходят просвещение и культура того времени.

Монгольское нашествие, конечно, стало страшным испытанием для Руси. Ученые полагают, что до нас дошел в лучшем случае один процент культурного наследия Киевской Руси. Многие считают, что меньше процента. Мы знаем «Слово о полку Игореве». Таких произведений были сотни, может быть, тысячи, они просто к нам не дошли: сгорели, уничтожены в войнах. Время их не пощадило, и климат у нас не самый благоприятный для сохранности бумаги и пергамента. Это было страшное нашествие, городская культура была уничтожена в значительной степени, и Русь стала тоже страной сельской культуры. Это был момент серьезного духовного испытания для нашей страны. Но мнение о том, что нас завоевали кочевники-монголы и принесли степную культуру – абсолютная ерунда. Да, монгольская империя была самой большой империей в истории человечества, гораздо больше не только Римской, но и Британской на пике ее расцвета.

Напомню, что империя чингизидов включала в себя Китай, Сибирь, Центральную Азию, значительную часть Индии, Ближнего Востока, Россию, Украину. Эта империя управлялась из Китая. У Византии был только один соперник по уровню развития цивилизации в то время – Китай. Мы были частью империи, которая управлялась из Китая, туда ездил уже Александр Невский. Как и многие другие наши князья, которые должны были проделывать путь почти до Тихого океана.

На наш Западный улус Орды были распространены китайские управленческие практики, которые были намного совершеннее, чем западноевропейские управленческие практики того времени. У нас сложилась ямская система, внедрена подушная подать, проведены первые переписи населения. То есть общество было организовано для того, чтобы платить налоги. Кроме того, появилась система фуражиров, организовано строились мосты и дороги. Все это в Китае существовало много веков. У нас были применены вовсе не монгольские управленческие тех-

нологии, а китайские, уйгурские, самаркандские. Повторюсь, высокие управленческие технологии. Существование Руси в империи Чингизидов дало ей передовой имперский опыт. И когда империя начала распадаться, Западный улус заполнил геополитический вакуум, возникший после распада величайшего государства в истории человечества. Вот почему России затем удалось стать крупнейшей державой на планете.

Ценностный выбор в этот момент был очень ответственным. Ведь Запад предлагал свою помощь в борьбе с монголами, но Русь эту помощь не приняла. И не приняла совершенно сознательно именно по ценностной причине. В империи Чингизидов не посягали на душу. Там могли убить, но не запрещали веровать. Православию в империи была дана зеленая улица, особенно после того, как один из наших митрополитов вылечил слепую жену хана. Запад же предлагал католичество, смену самих основ веры. Монголы могли отобрать жизнь, а Запад собирался отобрать душу. Вот откуда яростное сопротивление крестоносцам, победа на Чудском озере и на Неве. Переломный момент в нашей истории – освобождение от монголо-татарского ига. Это почти совпало по времени с открытием Америки Христофором Колумбом.

Впрочем, это было не просто совпадением. В этот момент открылись горизонты западной цивилизации; Европа, коллективный Запад, начала активно расширяться во все стороны: Америка, Африка, Азия. И вдруг на границе Запада и Востока обнаруживается, так сказать, бесхозная территория, которая называет себя Россией. Небольшая тогда территория, гораздо меньше, чем Польша и Литва. Она только что освободилась от иноземной зависимости, неорганизованная и нищая. К тому же забитая в самый далекий северо-восточный угол Евразии.

Но этому государству предстоит стать великой державой. Каким образом и почему?

Россия воспринималась в тот момент, как та же Африка, которую надо было быстро освоить и колонизовать. Однако у нас существовали власть и государственная структура, которая работала в отношении многих восточно-европейских стран. Создавалось множество посольств – от Ватикана до Священной Римской империи германской нации, тогда самого сильного европейского государственного образования. Они предлагали сначала Ивану III, потом Василию III, его сыну, корону – из рук Папы вместе с католичеством.

Католичество очень настойчиво пыталось проникнуть на Русь. Брак Софьи Палеолог и Ивана III был на самом деле папской интригой. Софья Палеолог – племянница последнего византийского императора. А Византия пала, преданная Западом, который буквально подарил Византию османским туркам. Теперь на Западе рассчитывали, что через Софью Палеолог удастся добраться до сердца Василия III. Ведь последние Палеологи уже приняли унию с католичеством, чтобы просто спастись.

Василий III думал об этом. Послал даже специальную миссию в Рим, но это посольство Папу не нашло. Он в это время был в бегах, его сверг очередной герцог. И посольство, вернувшись в Москву, сообщило Василию III, что сделка того не стоит. В России поняли, что стране необходимо самодержавие.

Что это означает? Самодержавие не значит всевластие. Это означает – Русь сама будет держать власть, а не монголы и не Рим. Отсюда и термин самодержавие.

Самодержцем стал уже сын Василия III, Иван Грозный, но эпизод с отказом от западного покровительства не прошел бесследно. И современный имидж России, который мы сегодня пытаемся исправить на Западе, начинается отсюда. Уже тогда было сформулировано все негативное, что вы сегодня можете прочесть про Россию в *The New York Times* или *Frankfurt Allgemeine Zeitung*. Абсолютно все.

Когда начиналось освоение России как новой Африки, приехали паломники, изучили ситуацию и подытожили: «Замечательная страна! Народ богобоязненный, уважающий свою власть. Народ, который имеет очень высокую нравственность».

Но переговоры с Западом провалились, последнее посольство Священной Римской империи германской нации во главе с Сигизмундом Герберштейном покинуло Москву. В Польше

и в Германии моментально начали выходить труды, где доказывали, что чистота нравов – дикость, богобоязненность – еретичество, уважение к власти – рабская психология. Именно тогда сформировался негативный образ нашей страны. Герберштейн написал «Записки о Московии», которые вышли первый раз в 1528 г., а затем больше 30 раз только в XVI в. переиздавались на Западе.

Был создан образ, глядя на который, Запад говорил: «Нет, мы не такие». Более того, этот образ – часть самоидентичности Запада: «Мы не такие дикие, не такие ужасные». Поэтому для них избавиться от этого образа России, как ни парадоксально звучит, значит избавиться от части себя. А это, понятно, невозможно. Вот почему задача изменить имидж России на Западе гораздо сложнее, чем мы думаем. Это очень серьезный вызов.

Западные города, где было самоуправление, избавляли от рабства, там жили свободные люди, ремесленники разных специальностей объединялись по цеховому принципу. А почему же русский город не стал таким? По одной очень простой причине, которая называется «географическое окружение». Если у западного короля самым серьезным противником был другой западный король или какой-нибудь герцог, то у нас в соседях была Степь. Самое страшное, что могло случиться с королем или герцогом – платить дань другому королю или герцогу в случае военного поражения. На Руси цена поражения была страшнее. Либо смерть, либо рабство.

От соседнего короля или герцога можно было защититься стеной замка. Воевать с кочевниками в степи невозможно. Не было ни одной битвы, которая была бы выиграна, даже самой лучшей армией, против кочевников. Единственное, что могло спасти, это крепость. И каждый русский город был военной крепостью, защита которой была организована по всем фортификационным правилам. Тысячи и сотни горожан в случае опасности становились защитниками родного города.

Никакого самоуправления в этих условиях быть в принципе не могло. Другая социальная организация, другая социальная и государственная модель. Это была единственно возможная модель для выживания. Альтернатива, напомним, – либо смерть, либо рабство. А работорговля в Крыму процветала. По всей Европе генуэзцы и венецианцы активно торговали русскими, которых приводили кочевники. Никакой вольный русский город в подобных условиях существовать не мог.

Европа пережила ренессанс, короткий период раскрепощения от церковных догм, когда появился культ обнаженного тела, открылась классика, вспомнили об истории Рима, Греции, инкорпорировали Грецию в историю Запада. Хотя между Римом и Грецией, Европой средних веков – огромный исторический и цивилизационный разрыв. В этот момент появилась архитектура, появились великие мастера – все так. На Руси этого не было и быть не могло, потому что византийская традиция благочестия всегда считалась выше благополучия. Ренессанс принес с собой капиталистические отношения, он стал возможным во многом благодаря капитализму и тому, что началась рыночная экономика.

Русь не могла воспринять обнаженную натуру, потому что этого не переносило православное благочестие. Кстати, на самом Западе ренессанс длился недолго. Даже Микеланджело дожил до того момента, когда в результате Реформации ему было запрещено изображать обнаженную натуру. Наше посольство Василия III видело, что происходило в Италии, и это очень не понравилось. Русские не понимали, почему они должны брать пример с Папы и династии Медичи, которые вели исключительно развратный образ жизни, погрязли в коррупции в масштабе всей Европы и продавали индульгенции.

Хотя Ренессанс и нас не обошел. Московский Кремль построен ренессансными архитекторами. Стены, соборы, соборная площадь Московского Кремля – это творение ренессансной итальянской архитектуры. Единственное, что Русь тогда могла воспринять от Италии. Правда, Русь получила еще кое-что. Во-первых, через Польшу пришли венерические болезни. Во-вторых, появилась водка, итальянский напиток «аква вита», который на Руси очень пошел сна-

чала в медицинских, а потом и в других целях. Поэтому некоторые ренессансные явления у нас прижились.

Теперь о Реформации, религиозной свободе. Реформация в Европе состоялась, появился протестантизм, который был против католического роскошества. Но что такое европейская Реформация? Это религиозные войны, которые шли на протяжении десятилетий. Тридцатилетняя и Столетняя войны во многом имели религиозный характер. Колоссальные религиозные войны – это проявление протестантизма. Когда Кальвин руководил Женевой, за отрицание кальвинизма предусматривалась смертная казнь. Религиозные преследования имели колоссальный размах. Одна «ночь длинных ножей» унесла больше жизней, чем Иван Грозный за все годы своего правления. Страшный по нашим меркам царь был агнцем Божиим по сравнению с британскими Тюдорами. Во время их правления в Великобритании количество жертв было в сотни раз больше, чем на Руси.

Запад нес цивилизацию прежде всего в форме истребления многих народов. Инки и ацтеки по развитию стояли ничуть не ниже испанцев, но их цивилизации были просто уничтожены падкими на золото конкистадорами. Колониализм охватил всю планету, и за пределами колониальных империй Запада остались только Япония, Эфиопия и Россия. Вся планета так или иначе стала полем колониальной охоты.

Колониализм означал также работорговлю, потому что для освоения прежде всего американского континента требовалась рабочая сила. Сколько людей потеряла Африка, мы точно не знаем. По книгам английских, голландских, португальских, испанских, потом уже американских компаний, которые занимались работорговлей, т.е. по официальным данным, 10 млн человек были вывезены с африканского континента. Уильям Дюбуа, борец за права американских чернокожих, на Версальской конференции говорил о 100 млн человек, которых Африка недосчиталась в результате колониальной политики. Работорговля в глобальном масштабе продолжалась в Соединенных Штатах вплоть до Гражданской войны 1861–1865-х годов.

Россия, разливаясь по Евразии, не уничтожила ни одной цивилизации, ни одного народа, не занималась работорговлей. Крепостное право у нас было, как и в Западной Европе, но оно касалось только русских. Оно не распространялось на новые территории, которые осваивала российская власть. Там платили дань. Поэтому национальное угнетение самих русских было большим, чем угнетение так называемых колониальных народов. К тому же российская элита всегда была многонациональной. Более того, собственно русские фамилии составляли меньшинство. У нас никогда не было угнетения «нетитульных» народов – ни в досоветские, ни в постсоветские времена.

Демократия – великое достижение Запада, которое он выводит из греческих корней. Действительно, в Греции была демократия. Но из 2000 древнегреческих городов-государств она существовала в Афинах на протяжении полутора веков. И плодами демократии пользовались взрослые мужчины, коренные жители Афин. Подавляющая часть населения, которую составляли женщины и рабы, о демократии и не мечтала. К демократии с большим скепсисом относились современники, те же Аристотель, Платон и Сократ. Демократия потом долгие века никак не проявлялась в современном мире, пока о ней не начали писать Джон Локк и Томас Гоббс. На первых порах демократия оказалась, я бы сказал, довольно робкой дамой. Великая политическая реформа Великобритании 1826 г. заключалась в увеличении количества электората страны с 2,5 до 4,5% от взрослого мужского населения.

Американская демократия началась с американской конституции. Она касалась взрослых мужчин, имеющих определенный имущественный ценз. Приблизительно 50 тыс. человек могли голосовать в Соединенных Штатах после принятия Конституции США. Женщины получили избирательное право в 1929 г., черное население в полной мере получило гражданские права в 1960-е годы. Что касается индейцев, которые в тот момент, когда принимали Конституцию, составляли большинство населения северо-американского континента, – они никогда

не получали гражданских прав. От приблизительно 6 млн индейцев остался потом миллион. Они были сознательно уничтожены для расчистки всего континента.

Выборы на основе всеобщего прямого тайного избирательного права впервые в истории всего человечества прошли в России – в Учредительное собрание в 1917 г. Не могу сказать, что это был хороший опыт, потому что выборы принесли успех двум культовым радикальным левым партиям. На первом месте оказалась партия террористов – эсеров, на втором – большевики. Иного трудно было ожидать от страны в тех условиях. Тем не менее до этого никто и никогда в мире таких выборов не проводил.

Что касается Европы, демократия там то появлялась, то исчезала. Например, накануне Второй мировой войны только в шести европейских странах вообще проходили выборы. Европа дала нам такой знаковый феномен, как фашизм. Он ведь тоже – европейская «ценность». Это ценность не африканская, азиатская или российская, чисто европейская ценность, которая берет свои корни в национализме. А национализм является европейской ценностью, рожденной, кстати, германскими романтиками Гёте, Гейне, Шлегелем. Они считали, что надо обращаться к национальным корням, придумали идею национализма, национального государства. Идея эта затем проросла фашизмом, который стал самой страшной угрозой всему человечеству.

И нельзя сказать, что фашизм был ограничен Германией и Италией. А что, какие-то европейские страны резко выступали против фашизма, у них были какие-то иные режимы, кроме тех, которые сохраняли нейтралитет? Или какие-то европейские страны сильно противились, когда Гитлер подталкивал их напасть вместе с ним на Советский Союз? Он привел с собой на нашу землю всю Европу. Она тогда разделяла его ценности. И, к сожалению, мы сейчас сталкиваемся с остаточными явлениями того, что фашизм был очень органичен в Европе, в большей степени органичен, чем демократия.

Когда появились демократия и права человека? После Второй мировой войны. До этого никто не заявлял, что демократия является определяющей чертой западной цивилизации, а тоталитаризм определяет цивилизацию советскую. Подобные теории и концепции появились после победы над фашизмом. Собственно концепция прав человека была записана в Декларации прав человека, созданной специально в антисоветских целях. Там утверждалось, что западные ценности – это прежде всего демократия и свобода слова. На самом деле ничего этого в Европе тогда не было, никаких подобных ценностей. Но их представляли именно как картину западной цивилизации, противостоящей советским азиатским ордам.

Была создана целая система интеллектуального воздействия, система влияния, сначала в европейском, потом и в глобальном масштабе. За этой операцией стояло Центральное разведывательное управление вместе с английской МИ-6. Сегодня исследователи уже имеют доступ ко всем архивам, документам, которые проливают свет на суть операции. К концу 1940-х годов в Европе не было ни одного влиятельного интеллектуала, который бы так или иначе не работал на ЦРУ или МИ-6. Ни одного! Либо это были не влиятельные интеллектуалы, либо они рассматривались как опасные коммунистические элементы. Была выстроена система тотального контроля информационного пространства, и все это время она только совершенствовалась.

Можно ли сегодня какого-то западного журналиста убедить, что он неправильно пишет о России? Невозможно, потому что журналист прошел через все ступеньки специального отбора. И если он занял свой пост, то будет писать, что скажут. Он будет выдерживать генеральную линию, что бы вы ему ни говорили и как бы вы его ни убеждали. Эта система отработана: в нее попадают люди с молодых ног, к ним долго присматриваются. Уже со студенческой скамьи приглашают на различные конференции, мероприятия, отбирают, пестуют, готовят.

Мне рассказывал польский журналист, который работал в польских СМИ, что ему было сразу поставлено условие – писать о России только плохо. Он согласился, писал. Потом началась ситуация на Украине, и о России надо было писать чудовищно. Он сказал, что не может

чудовищно писать, может плохо, но не чудовищно. Его тут же выгнали с работы, выдали волчий билет, заявили, что он вообще не поляк. Сейчас журналист вынужден скрываться у нас в России. На родине ему жизни не будет.

Все мы восхищаемся трудами Оруэлла, но сейчас уже известно, что Оруэлл писал для МИ-6 все свои произведения. Это была и остается очень хорошая работа системы. Хорошая – с их точки зрения.

Поэтому, когда говорят о продвижении демократии, речь идет о продвижении собственных национальных интересов. Главный интерес Соединенных Штатов – американская глобальная гегемония. Для обеспечения этого создается система политического, экономического военного воздействия и огромная система экологического влияния. Это средства массовой информации и огромная сеть некоммерческих организаций. В Соединенных Штатах только внешней политикой занимаются 15 тыс. некоммерческих организаций, за каждой из которых тянется шлейф организаций в других странах – польских, немецких, французских, японских, турецких, которые уже активно реализуют практические задачи. Эта система НКО помогает свергать режимы в странах, «неудобных» Соединенным Штатам.

Только в нашей стране два года назад, когда принимался закон об иностранных агентах, официально финансировалось порядка 400 российских некоммерческих организаций на сумму около 4 млрд руб. Неофициально их было гораздо больше – совсем другой порядок цифр. А финансирование предоставляли западные структуры, в основном связанные с господом и ЦРУ. Сегодня подобных организаций более 4 тыс., а финансирование составляет не менее 70 млрд руб. Это официально. То, что идет наличными, по линии посольств, – конечно, гораздо больше. Виктория Нуланд заявляла, что на «демократизацию» Украины истрачено 5 млрд долл. На самом деле это заниженная цифра. Огромные деньги, которые расходуются исключительно для целей изменения власти и т.д.

Права меньшинств не стоит активно обсуждать. Здесь очень большой ценностный разрыв. Считаю, что у нас права меньшинств защищены гораздо лучше, чем в США. Впрочем, как и по многим другим параметрам, демократии в России больше: гораздо шире идейно-политический спектр, больше политических партий, принимающих участие в политическом процессе. В Соединенных Штатах вы не увидите представителей системной оппозиции на центральных каналах телевидения, никогда не увидите. У нас они каждый день выступают. И если несут чушь, то и в этом проявляется демократия. В США какая-нибудь либертарианская партия никогда не получит времени на американских каналах.

Теперь посмотрим, как у нас и у них можно попасть в избирательный бюллетень. Наш муниципальный фильтр – детские игрушки по сравнению с тем, что надо сделать в США, чтобы выступить на выборах. В России сейчас 14 партий могут участвовать в думских выборах, представлять кандидатов, партийные списки, не собирая ни одной подписи. В США две партии, причем разницы между ними не больше, чем между «Единой» и «Справедливой Россией». Права негров – замечательно, Барак Обама – черный президент. Но возьмем такой показатель, как накопленное богатство черной семьи и белой.

Накопленное богатство – не средний доход. Это машины, телевизоры, дома. Так вот, накопленное богатство белой семьи в 20 раз больше, чем накопленное богатство черной семьи. А если взять состав «населения» тюрем, то в них 80% черных.

Права сексуальных меньшинств – вопрос, конечно, интересный. В США в шести штатах гомосексуализм – уголовное преступление. Как сейчас, кстати, сделали в Индии, вернув старый британский закон. У нас абсолютная свобода. Единственные визги – по поводу того, что мы запрещаем пропаганду гомосексуализма в детском саду и школе. Это воспринимается как колоссальное посягательство на права граждан.

* * *

Итак, западная ценностная система – это огромный пропагандистский фильтр, которому Россия противопоставляет свою культурную матрицу, которая, считаю, более жизнеспособна. И если она в чем-то кому-то кажется менее демократичной, то это объясняется особенностями жизни в нашей стране, которой пришлось воевать больше, чем кому бы то ни было, в силу своего геополитического окружения.

На планете есть две страны, которые имеют 500 лет суверенного существования. Одна из них – Россия, вторая – Великобритания. Но наших соседей вы знаете. В Англии – только Шотландия и рыбы. Ясно, что в том окружении легче существовать в условиях некой расслабленности. У нас, к сожалению, расслабленности никогда не получалось. Периоды мирного развития были исключением, а не правилом.

Россия противопоставляет западной системе вместе с партнерами по БРИКС свою систему ценностной ориентации. БРИКС становится мировым сообществом ценностей. Это уже 44% человечества, пять государств. О Западе говорят постоянно, но в одной Индии живет в полтора раза больше народа, чем во всех странах Запада вместе взятых. Если добавить Китай, Бразилию, Россию с Южной Африкой, получится совершенно другая картина мира, абсолютно не западная. У каждой из этих стран, которые являются центрами отдельных цивилизаций, есть свой взгляд на мир, свое понимание ценностей в современных международных отношениях. Это не продвижение демократии, не гуманитарные интервенции, за которыми оказываются военные акции, гибель сотен тысяч людей или уже за миллион, как в Ираке, где продвигали демократию. Это не хаотизация, как в Ливии, не ИГИЛ, как в Сирии и Ираке, не разоренный Афганистан. Это совершенно другое. Это система ценностей, в которой на первом месте стоит примат международного права, центральная роль Организации Объединенных Наций и ее Совета Безопасности в разрешении международных конфликтов.

США буквально взбесились в связи с Крымом, прежде всего потому, что мы впервые проинтерпретировали, что такое международное право. До этого только США считали себя вправе интерпретировать международное право. Это ценность суверенитета, способность принимать решения внутри и вовне государства самим, а не с помощью подсказок извне. Например, со стороны Международного валютного фонда, США и Брюсселя, где сосредоточено до 70% суверенитета каждой страны Евросоюза. 70% решений принимается в Брюсселе, а не в Варшаве, Берлине или Париже.

Суверенитет – это возможность строить свою политику как раз на демократических принципах. То есть в соответствии с интересами и чаяниями собственного народа, а не так, как продиктуют зарубежные некоммерческие организации. Как раз демократия заключается в том, чтобы избавить политический процесс от давления со стороны тех сил, которые не представляют российский народ, которые представляют чужие интересы. И когда мы ограничиваем деятельность НКО, на самом деле не ограничиваем демократию.

Мы защищаем возможности для реализации нормального демократического процесса в соответствии с волеизъявлением большинства собственного народа. А НКО выражают интересы американского народа и Центрального разведывательного управления, которое стоит за большинством этих некоммерческих организаций.

Мы выступаем за ценности невмешательства во внутренние дела других стран и за возможность строить политику в соответствии с собственными национальными интересами, национальными традициями. Строить так, как мы видим мир, как видели его наши предки, как видит мир культура, наша – православная, китайская – конфуцианская, индийская – индуистская, бразильская или южноафриканская. В Южной Африке даже внешнеполитическая концепция называется дипломатией убунту, что в переводе на русский язык звучит как

соборность, принадлежность человека, индивидуума к общему. В отличие от Запада, который исповедует агрессивный индивидуализм.

Когда британцу кто-то возражает, он повышает голос. Он не слушает ваши аргументы, он просто повышает голос и дальше начинает орать. Это и есть политика Запада. То есть они не воспринимают другую сторону, они не воспринимают никого за пределами англосаксонского мира как людей, к которым надо относиться, как к равным. Нет, надо просто повысить голос, ввести санкции, устроить давление, приблизить базы к границам.

О чем говорить? Есть мнение мое и неправильное. Именно на таком подходе, к сожалению, строится весь ценностный ряд американской и британской политики. Они считают свои ценности универсальными для всех и очень обижаются, когда кто-то считает иначе, а тем более начинает им возражать.

О ценности свободы и демократии. Говорим о свободе, понимаемой не как на Западе – соблюдение определенных правовых норм, а свободе, как справедливости, как реальной правды, которую сейчас Россия вместе с Китаем и другими странами БРИКС несет миру. Почему так испугались канала Russia Today? Только один канал, а против него тысячи каналов и газет. Начинают блокировать: «Ой, какой кошмар, русская пропаганда!» А канал просто несет правду. Ее-то и бояться больше всего.

Но, как мы знаем, сила в чем? Сила в правде, брат. Значит, враг будет разбит, а победа будет за нами!

«Стратегия России», М., 2015 г., № 8, август, с. 3–14.

Инфраструктура технологического развития России: Состояние, становление, перспективы

А. Кулькин, доктор философских наук, руководитель Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям (ИНИОН РАН)

Прежде чем начать исследование названной темы, необходимо сказать несколько слов о термине «парадигма», который мы намерены использовать в тексте монографии. В переводе с древнегреческого на русский язык этот термин означает «модель», «пример», «образец». Применительно к науковедению он был впервые использован Т. Куном в его широко известной среди обществоведов книге «Структура научных революций» (1962). Как и многим другим терминам, заимствованным из мертвых языков, в языках современных ему придается целый ряд близких по смыслу, но не идентичных значений. У самого Куна таких значений насчитывается более двух десятков, но главным среди них, получившим широкое распространение в научной литературе и даже вошедшим в энциклопедические словари, стала «модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе»¹. Итак, начнем анализ с первого требования парадигмы научно-технического развития.

4.1. Постановка проблемы исследования

В России начала XXI в. существуют все атрибуты научно-технического развития, которое могло бы дать социально-экономический эффект инновационного развития. В России есть наука, образование, промышленность. Вошла Россия и в координаты информационного общества. Однако наличие всех этих институтов не складывается в инфраструктуру инновационной экономики. На сегодняшний день Россия имеет инфраструктуру технологического развития и экономику XIX в.

Мировая экономика XIX в. была экономикой естественных ресурсов, сырья, прежде всего нефти, поэтому экономически выигрывали те страны, которые были щедро наделены естественными ресурсами. К сожалению, Россия, чрезвычайно богатая естественными ресурсами, и сегодня продолжает экономически жить в прошлом времени, хотя для мировой экономики XIX в. закончился в 1980-е годы. Тогда в мировой социально-экономической системе произошла по существу своему инфраструктурная революция, названная П. Дракером организационно-управленческой революцией и давшая начало новой инфраструктурной парадигме технологического (социально-экономического) развития². Современная научная литература дает более чем достаточно материала, чтобы сформулировать суть этой инфраструктурной (организационно-управленческой) революции в следующих параметрах постиндустриальной социально-экономической парадигмы, которая возникла в результате данной революции.

1. Постиндустриальная социально-экономическая парадигма является парадигмой не экстенсивного, как в традиционной экономике, а интенсивного экономического роста, когда меняется сама доктрина ВВП, прирост которого достигается уже не столько за счет расходования природных ресурсов, сколько, напротив, благодаря развитию ресурсосберегающих техно-

¹ Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – С. 977.

² Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Иноземцев В.А. (ред.). – М.: Academia, 1999. – С. 72–100.

логий, резко снижающих зависимость экономического роста от природных ресурсов, земли, рабочей силы, полезных ископаемых.

2. Технологические (ресурсосберегающие) приоритеты постиндустриальной социально-экономической парадигмы обуславливают ее постматериальный (постэкономический) характер, когда материальные активы, основные фонды, само производство материальной стоимости перестают быть фактором эффективности предприятия. Таким фактором становится интеллектуальный капитал, преобразующий всю систему традиционного бухгалтерского учета, поскольку предприятие строит свою финансово-экономическую стратегию с опорой уже не на материальные, а на информационные издержки, которые, в отличие от материальных издержек, являются технологиями, т.е. сами себя окупают. И значит, предприятие тем более эффективно, чем больше его информационные издержки (больше доля производства добавленной стоимости и меньше материальные активы). Недаром эта пост-материальная тенденция хозяйствования получила в научной литературе следующие определения: информационная экономика, интеллектуальная экономика, экономика знаний.

3. Выдвижение на первый план в постиндустриальной экономике ее интеллектуального капитала ставит в центр постиндустриальной хозяйственной системы то, что в научной литературе определяется категорией человеческого капитала (потенциала).

4. В постиндустриальной экономике, именно в силу ее опоры на интеллектуальный и человеческий капитал, существенно возрастает значение организационно-управленческих систем. Фактор человеческого капитала – широкообразованных, высококвалифицированных и способных к новаторским решениям профессионалов – обуславливает феномен инновационной экономики, т.е. экономики эффективного управления, которая способна эффективно компенсировать дефицит естественных ресурсов. Показательно, что научная литература фиксирует качественное изменение всей системы менеджмента, все в большей степени приобретающего характер методологии – стратегического планирования деловой активности предприятия и все меньше замыкающегося на чисто технических (материально-производственных) вопросах. Причем существенным, если не главным, направлением этой переориентации менеджмента становится так называемый «менеджмент интеллектуального и человеческого ресурса» – МИЧР (Human resource management – HRM).

5. Основополагающий в постиндустриальной экономике фактор интеллектуального и человеческого капитала меняет в этой экономике качество рынка труда и сферы занятости. Поскольку наблюдается тенденция, когда работодателям нужна не всякая рабочая сила, а именно человеческий капитал, они вынуждены переходить к новой доктрине занятости, в соответствии с которой предприятиям выгодно комплектовать свои штаты из широкообразованных, высококвалифицированных и высокооплачиваемых профессионалов и гарантировать такие кадры от увольнения. В свою очередь, эта тенденция ставит перед государственной политикой задачу такого управления рынком труда, чтобы он превратился в устойчивый резерв человеческого капитала, для чего необходимы масштабные меры косвенного управления рынком труда (определенная государственная политика в области образования, структурная экономическая реформа и т.д.).

6. Постиндустриальную экономику отличает специфическая отраслевая структура, в которой получают преимущество перерабатывающие, «урбанизированные» и наукоемкие отрасли, а также сфера услуг и особенно информационно-технологическая сфера. Собственно, последняя тенденция и является уникальной характеристикой постиндустриальной экономики, поскольку все остальные тенденции плавно нарастали в течение всего периода существования индустриальной хозяйственной системы³.

³ См., в частности: Вишневская Н. Рынок рабочей силы в ретроспективе XX столетия // МЭ и МО. – М., 2001. – № 9. – С. 52–61; Супян В. Сфера труда в США: Новые тенденции и вызовы XXI в. // Проблемы теории и практики управления. –

Эксперты указывают на следующий «парадокс» России. В стране находятся от 25 до 40% мировых запасов невозполнимых природных ресурсов и первоклассные сельскохозяйственные угодья (знаменитые черноземы). На каждого жителя приходится 11,7 условных единиц ресурсов (приходящихся на каждого жителя планеты), в то время как на жителя США – только 2 единицы, жителя Западной Европы – всего 0,67, жителя остального мира – 0,58 единицы. Каждый гражданин России потенциально в шесть раз богаче американца и в 17,5 раза богаче любого европейца. Российское население является одним из самых образованных в мире⁴.

И при этом Россия сильно проигрывает Южной Корее, Китаю и Сингапуру, не говоря уже о США, Японии и других развитых странах; рынок высокотехнологичной продукции, имея долю на нем в 0,13% против пяти Китая, семи Сингапура, не говоря уже о 25 США и 35% ЕС⁵.

Российский «парадокс» имеет очевидное объяснение: страна, перешедшая из XX в. XXI в., не вписалась пока в произошедшую в 1980-е годы инфраструктурную (организационно-управленческую) революцию и поэтому имеет де-факто крайне неэффективную систему управления. Современная российская система управления объективно такова, что она в принципе не выстраивает инфраструктуру общества, восприимчивую к технологическому развитию и стимулирующую технологическое развитие. Не выстраивает даже не столько из-за своей коррупционной составляющей (разумеется, блокирующей должные функции управления), сколько просто из-за своей принадлежности к инфраструктурной парадигме XIX в., когда в безусловном социально-экономическом привилегированном положении находились «нефтяные» страны и управление ориентировалось на естественно-ресурсную инфраструктуру мировой экономики.

Современная Россия не использовала шанс, который предоставили ей 1990-е годы, чтобы уйти от устаревшей экономики, ориентированной на мировую нефтяную цену, и приобщиться к мировому тренду строительства инфраструктуры общества (в том числе экономики) знаний и компьютерных информационно-коммуникационных технологий. Еще в 1970-е годы отказались от «экономики мировой цены на нефть» Соединенные Штаты, которые быстро извлекли урок из тогдашнего падения мировых нефтяных цен и стали импортерами нефти, хотя и имели технологичную нефтедобывающую и нефтеперерабатывающую промышленность. Уже в XXI в. даже такая богатейшая «нефтяная» страна, как Катар, решила уйти от «нефтяной» инфраструктуры в пользу инфраструктуры экономики знаний и компьютерных информационно-коммуникационных технологий. Россия же к 2010 г. не только не поступилась социально-экономической инфраструктурой «нефтяной» страны, но укрепилась в этой «несовременной» инфраструктуре. Даже Советский Союз помимо экспорта сырья занимался и технологическим экспортом (по крайней мере, в страны социалистического лагеря) самолетов, автомобилей, оружия и других продуктов перерабатывающей промышленности. Советский технологический экспорт был на мировом рынке неконкурентоспособен, но спасал Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) – межгосударственную экономическую организацию социалистических стран. Мировому рынку Советский Союз был нужен лишь в качестве «сырьевой» страны, и именно мировой рынок, опустив нефтяные цены, нанес нокаут всей системе СЭВ, в том числе и Советскому Союзу. Никакой геополитики – чистая экономика. Политический процесс распада СССР явился следствием обрушения (мировым рынком) советской модели экономики.

К сожалению, родившаяся в 1991 г. новая Россия, как показала вся ее последующая история, не извлекла никакого урока из «жизни и смерти» Советского Союза – именно экономического урока. Большую популярность получила идея не столько экономических, сколько

М., 2001. – № 3. – С. 96–101.

⁴ Денисов Д. «Земля наша богата и обильна...». Кто поможет создать здесь атмосферу процветания? // Общая газета. – М., 2001. – № 21. – С. 5.

⁵ Денисов Д. «Земля наша богата и обильна...». Кто поможет создать здесь атмосферу процветания? // Общая газета. – М., 2001. – № 21. – С. 5.

политических причин конца СССР. Как будто можно было бы сохранить СССР, действуя перестроечное руководство иначе, например, прими это руководство программу «500 дней», не будь известных событий августа 1991 г., не выступи российский, украинский и белорусский лидеры с меморандумом о прекращении полномочий СССР и т.д. Однако история потому и не имеет сослагательного наклонения, что не она подчиняется политикам, а политики подчиняются ей как социально-экономическому процессу, развивающемуся по фундаментальным (неполитическим) законам мирового социально-экономического рынка, который сильнее любой государственной администрации. Прозорливая государственная политика будет отслеживать мировые социально-экономические тенденции и принимать по ним адаптационные решения, как это сделали в 1970-е годы Соединенные Штаты, приняв решение стать страной – импортером нефти ввиду ненадежности «нефтяной» экономики. Непрозорливая же государственная политика будет игнорировать сигналы мирового социально-экономического рынка, закрывая саму возможность адаптационных решений и ввергая страну в риск системного провала, что и произошло с СССР в те же 1970-е годы. Перестройка – в сущности, попытка вписать страну в современную парадигму технологического развития – была объявлена слишком поздно, когда уже, используя известное выражение того же лидера перестройки, «процесс пошел» – именно процесс системного провала страны. Достаточно сказать, что Китай провел свою перестройку – с той же целью введения страны в современные параметры технологического развития – на десять лет раньше СССР.

За все 18 лет своей истории новая Россия пока так и не решилась на инфраструктурный проект, с которым опоздал СССР и который с 1978 г. весьма целеустремленно, последовательно и успешно реализуется в Китае. Этот инфраструктурный проект превратил некогда «нулевую» в технологическом, научном и образовательном отношениях страну в передовую державу – во влиятельного глобального игрока, которого прочат в мировые экономические лидеры XXI в. Россия пока может только мечтать о глобальном экспорте технологичных товаров с клеймом «made in Russia», а мир заполняет технологичная (обрабатывающей промышленности) продукция с клеймом «made in China». За этим стоит не только фактор китайской «дешевой рабочей силы» и выгоды для развитых стран переводить свое производство в Китай, а прежде всего доверие мирового рынка к технологической культуре КНР. Почему-то глобальная экономика не знает аналогичного феномена «дешевой рабочей силы», например, ни из одной из стран СНГ.

Российская Федерация повторяет ошибку СССР, инерционно охраняя инфраструктуру «под сырьевую экономику». Дело в том, что такая инфраструктура в принципе невосприимчива к технологическому развитию: она не создает спрос на технологическое развитие. Действительно, если социально-экономическое благополучие страны определяется добычей и экспортом сырой нефти и природного газа, то для обеспечения этого примитивного экономического процесса, конечно, нужны технологии, но такой в принципе нетехнологичной экономике не нужен феномен технологического развития, она отчуждена от него, а он – от нее. Так было в СССР, где практически отсутствовали технологии гражданского назначения. Так остается и в современной России, где инфраструктура «под сырьевую экономику» блокирует саму мотивацию технологического развития. Однако СССР имел мощный военно-промышленный комплекс, в котором были сосредоточены наука и технологии. В современной же России, с прекращением государственного заказа на научно-техническое развитие для ВПК, наука, образование, технологии, лишившись своей опоры в ВПК и не имеющие мотивации своего развития в сырьевой экономике, вообще «бесхозны». Для чего российскому обществу нужны наука, образование, технологии, если российская экономика не создает на них спрос? Кстати, любые социально-экономические парадоксы могут рассосаться с помощью наукоемкой промышленности.

4.2. Методы и способы решения поставленных задач

Возрождение былого научного потенциала Российской академии наук связано с постановкой правительством перед ней научных мегапроектов, сверхзадач. В течение последних двух десятилетий во взаимоотношениях науки и власти в России сложилась странная ситуация, вызывающая недоумение. Наряду с творческим научно-техническим ресурсом РАН располагает мощным экспертным потенциалом. Он огромен и превосходит десяток потенциалов самых лучших исследовательских университетов страны, вместе взятых. Правительство РФ его не использует. Это обстоятельство и вызывает недоумение. Поясним. В свое время Академия наук СССР внесла решающий вклад в создание ракетно-ядерного щита Отечества. Теперь перед РАН стоит по своей значимости не менее грандиозная сверхзадача (исследовательский мегапроект) – разработать научно обоснованную программу форсированного формирования общероссийской инфраструктуры технологического развития, используя опыт всех регионов страны. Во-первых, ее осуществление сделает возможным реальный прорыв России в мир высоких технологий; во-вторых, в процессе решения сверхзадачи произойдет расслоение ученых: одна часть, наиболее способная (талантливая), повысит свой профессионализм, а другая, неспособная, в том числе научная бюрократия, – «выпадет в осадок». Кроме РАН никто такой программы разработать не сможет. А реализацию этой программы должно взять на себя правительство, поскольку технологическая инфраструктура («инфратехнология») – чрезвычайно важный фактор эффективности исследований и разработок, в определенном смысле, как и фундаментальные исследования, – их основа. Без них невозможны ни модернизация хозяйственной системы, ни создание инновационной экономики.

Здесь необходим небольшой экскурс. Технологическая инфраструктура и фундаментальные исследования как объекты капиталовложений абсолютно не привлекают частного предпринимателя. Они принадлежат к основным технологиям, которые вынуждено финансировать государство. Сообщество ученых и политическое руководство США своевременно осознали чрезвычайную важность технологической инфраструктуры и приравнивали ее по значимости к фундаментальным исследованиям. Каким образом это произошло? Экономический кризис 1969–1971 гг. и война во Вьетнаме вызвали резкое сокращение финансовых средств на научные, особенно фундаментальные, исследования. Это обстоятельство в конечном счете привело к явному снижению темпов научно-технического прогресса и ослаблению конкурентоспособности американских фирм на внешнем и внутреннем рынках. Указанные тенденции вызвали озабоченность в правящих кругах США и потребовали коренного изменения сложившейся ситуации. С этой целью в октябре 1979 г. президент США Дж. Картер учредил президентскую комиссию для разработки национальной программы действий на 1980-е годы. Взаимодействие между академической и политической элитами системы государственного управления стало реальным фактором в США со времен президентского правления Ф. Рузвельта. К подготовке аналитического доклада для президента Дж. Картера были привлечены крупнейшие специалисты, уделившие большое внимание инновациям и инфратехнологии. На основе предложений, содержащихся в докладе, президент Дж. Картер принял ряд важнейших решений, изложенных им в посланиях Конгрессу США. Подготовка доклада для президента была настолько удачной, что президентские комиссии стали для его преемников эффективным механизмом решения сложных задач научно-технического характера. Со временем изменились и функции чиновников не только в научно-консультативной службе президента, но и во всем госаппарате. Теперь от них требуются только грамотное исполнение, реализация уже готовых предложений, подготовленных авторами доклада для президента. Изменения и дополнения текста доклада чиновниками, направленные якобы на его улучшение, просто пресекаются.

Политика «нового федерализма»⁶, провозглашенная президентом Рейганом в его послании о положении страны в январе 1982 г., была фактически направлена на завершение формирования начатой его предшественником технологической инфраструктуры США. Другими словами, в 1980-е годы США провели инфраструктурную (организационно-управленческую) революцию. Это обстоятельство позволило США без труда вписаться в парадигму современного научно-технического развития.

4.3. На грани катастрофы

К сожалению, в России постановка проблем и их решение, имеющие государственное значение, принимаются правительством РФ без участия ученых. Именно правительство в лице Минобрнауки РФ своими действиями довело науку почти до катастрофы. А теперь оно (Минобрнауки) вынуждено обращаться за помощью к российской диаспоре ученых за рубежом. К слову сказать, предпринятая акция обречена на «провал», потому что сложившаяся внутри страны организационно-управленческая структура в сфере научной деятельности любую дельную, толковую инициативу приглашенных из-за рубежа ученых загубит, отторгнет. Нужны реальные исследовательские мегапроекты, а не мегагранты. Россия располагала стартовым научно-образовательным потенциалом, созданным Советским Союзом. Он был недостаточен в полной мере для постиндустриальной хозяйственной системы, но достаточен для стремительного старта, чтобы стать таковым. Вместо бесконечных разговоров о реформах следует начать ускоренное наращивание научно-образовательного потенциала с полной реконструкции научно-исследовательской инфраструктуры России, включая строительство необходимых для развития науки сложных сооружений типа ускорителей элементарных частиц и радиотелескопов и обеспечение в полном наборе научных лабораторий современным оборудованием, приборами и реактивами.

Проводимая российским правительством в лице Минобрнауки РФ научная политика вошла в штопор. Оно как будто проводит реформу системы научных исследований, но делает это не системно, а избирательно. Поэтому она (реформа) неэффективна. Крупно повезло РНЦ «Курчатовский институт»: политическое руководство РФ поддержало его исследовательскую программу. Российское сообщество ученых находится в режиме ожидания: кто же следующий, какой научный центр получит мощное государственное финансирование? Однако правительство взяло курс на создание исследовательских университетов. Эта инициатива вызывает большое сомнение. Например, попытка США в годы правления Джонсона создать исследовательские университеты в штатах, не имевших их, провалилась. Президент Никсон закрыл строительство исследовательских университетов навсегда. Тогда как академическим институтам РАН достаточно пяти лет, возможно, и меньше, чтобы обрести «научную форму». Для этого Академии необходимо помочь вывести ее институты из состояния институционального коллапса. Это сделать нетрудно: надо открыть бюджетные ставки и начать их (институты) финансировать так же, как исследовательские университеты.

4.4. Партнерство науки и власти: Временный компромисс

Напомним некоторые факты, характеризующие деятельность вышеупомянутого ведомства. Об этом мы писали неоднократно. Проведенная в 2006–2008 гг. по инициативе Минобрнауки модернизация структуры, функций и механизмов финансирования академического сектора науки не решила главных задач, ради которых она (модернизация) была предпринята, а

⁶ Авдулов А.Н., Кулькин А.М. Программы регионального развития в контексте государственной научно-технической политики: Опыт США / РАН. ИНИОН. – М., 1999. – 168 с.

именно: привлечь в науку молодежь и обеспечить активное участие академических институтов в инновационном процессе. Суть ситуации состоит в том, что в течение продолжительного времени в результате недостаточного бюджетного финансирования науки и снижения престижа научного труда была нарушена преемственность поколений научных кадров, произошло катастрофическое старение научных сотрудников высшего звена РАН, что ставит под угрозу возможность сохранения научного потенциала России. Президиум РАН неоднократно принимал постановления по этому вопросу. Эти постановления, не обеспеченные финансовой поддержкой, фактически были правительством отвергнуты.

Необходимо отметить, что в течение более одного года переговоров с правительством в лице Минобрнауки РФ руководство РАН, констатируя в своих постановлениях катастрофическое положение с кадрами высшей квалификации, под давлением министерства допустило принципиальные уступки, которые усложнили и без того непростую ситуацию в Академии. К тому же Минфин РФ перекрыл бюджетные ставки. Приток в академические институты молодых кадров стал невозможен. Недавно выделенная Академии президентом РФ 1 тыс. ставок не решает проблемы. В 2006–2008 гг. было сокращено гораздо больше бюджетных ставок.

РАН обладает огромным экспертным потенциалом, он не сопоставим с потенциалом исследовательских университетов. Его целесообразно использовать в системе государственного управления. РАН органично вписывается в общероссийскую инфраструктуру технологического развития. Давно пора привлечь ее в качестве основного эксперта для правительства. В США эту функцию выполняет Национальная академия наук. Постановление Правительства РФ от 8 апреля 2009 г. № 312 «Об оценке результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения» в 2011 г. обрело силу закона. Это постановление – образец бюрократического подхода к решению сложных научно-технических и технологических проблем. Введение в действие данного Постановления Правительства РФ, на наш взгляд, несовместимо с элементарными требованиями психологии научного творчества. Авторы, составители постановления, не подумали о том, что в познавательной деятельности интеллект, креативность, исследовательские способности составляют единство. Их взаимоотношения и взаимосвязь представляют чрезвычайно сложный психологический механизм. «Ведь те, кто придумывает стандарты оценки чужого интеллекта и творчества, имеют собственный, далеко небезупречный интеллект и отнюдь небезупречные представления о том, что такое творчество и как его измерить. Некритическое использование результатов их работы просто опасно»⁷.

Все эти административно-бюрократические программы модернизации структуры, функций и механизмов финансирования академической науки и разработки показателей результативности научной деятельности в конечном счете проявляются в качестве факторов разрушения творческих научных коллективов академических институтов, что приведет к стагнации в научной сфере в целом. Поэтому вышеупомянутое постановление правительства заслуживает самого серьезного научного анализа. Между Минобрнаукой РФ и РАН партнерство не достигнуто, установлен временный компромисс. Конфликты и напряженные отношения между наукой и властью по всем признакам будут продолжаться. Минобрнауки РФ является перманентным инициатором конфликтов между наукой и властью.

Вызывает удивление и недоумение пренебрежительное отношение к собственным решениям. «За прошедшие 15 лет ни один федеральный проект инновационного развития территорий не был доведен до конца, – говорит заместитель главного ученого секретаря РАН В. Иванов. – Начинается, например, работа по наукоградам, принимается закон, утверждаются программы, проходит даже заседание Совета при Президенте России по науке, технологиям и образованию, на котором рассматриваются механизмы дальнейшего развития наукоградов.

⁷ Подъяков А.Н. Узнать и обезвредить // Поиск. – М., 2007. – № 21. – С. 10.

И вдруг буквально через год после этого заседания данное направление “откладывается в сторону”, а приоритетом объявляются особые экономические зоны (ОЭЗ). С ними та же история: закон, программы, первые шаги и опять остановка... Подробный анализ успехов и неудач наукоградов и ОЭЗ проведен не был: проекты просто бросались на полпути. А ведь были получены прекрасные результаты, использовать которые можно было бы сейчас. Они могли бы дать значительный эффект»⁸. В настоящий момент все внимание переключается на «Сколково». Но какая гарантия, что и с этим научным центром не повторится история наукоградов? Вопрос – без ответа. Покажет время. Нам остается только надеяться, что «Сколково» не будет брошено, как наукограды, на полпути.

4.5. Стремительный рост чиновничества

Такая непоследовательность и неуверенность в научной политике правительства, на наш взгляд, объясняется тем, что в России стихийно сформировалась организационная структура системы государственного управления, воспроизводящая коррумпированное чиновничество. В настоящий момент «в России около 2,4 млн чиновников на 140 млн человек населения. В Советском Союзе, где с бюрократией тоже пытались бороться, количество чиновников не превышало 400 тыс. на 300 млн населения страны. То есть за годы существования “свободной России” количество бюрократов выросло, напомним, в шесть раз»⁹. Место чиновников в современной России обусловлено тем, что они, особенно бюрократическая элита, получили доступ к огромным коррупционным доходам. Коррупционный рынок России сопоставим по размерам с федеральным бюджетом, а по ряду экспертных оценок, вдвое превышает бюджет¹⁰. Этот фактор, как злой рок, тяготеет над всей системой государственного управления. Политическое руководство страны стремится переломить сложившуюся ситуацию, но все его попытки остаются безрезультатными. Кто кем управляет: правительство сословием чиновников или наоборот? Скорее всего, чиновники, используя при этом коррупционно-олигархическую «систему» управления. Сословие чиновников и правительство, неспособное власть употребить, привели страну в тупик. Об этом свидетельствуют следующие факты: продолжительный спад и стагнация в экономике, неудачные попытки реформ науки и образования, деградация сельского хозяйства, а также промышленности и машиностроения; влачат жалкое существование культура и здравоохранение и т.д. Согласно международному рейтингу, в 2009 г. по темпам экономического роста наша страна попала на 207-е место из 214, в борьбе с коррупцией оказалась на 147-й позиции из 180, по интегральному показателю благополучия в социальной сфере стала 131-й в списке из 180 стран. Комментарии излишни: по рейтингу Россия достигла предела падения.

Современное состояние и возможности системы государственного управления – это Эдем, земной рай для сословия чиновников, потому что через нее (систему), повторим, чиновники, особенно бюрократическая элита, получили доступ к огромным коррупционным доходам. Объявленная борьба с коррумпированным чиновничеством ведется и будет продолжаться, по всем признакам, многие годы. Политическому руководству России необходимо проявить, наконец, политическую волю: одновременно с борьбой, направленной против коррумпированности чиновников, начать инфраструктурную (организационно-управленческую) революцию. Россия отстала от стран, осуществивших ее, на четверть века. Использовать для этого лучше всего серию структурных реформ, самое эффективное в цивилизованных странах

⁸ Интервью В.В. Иванова «Иннограду рады» // Поиск. – М., 2010. – № 32–33. – С. 5.

⁹ Гладунов О. Российские бюрократы объявили себе войну // Свободная пресса. – 21.07.2010. – Режим доступа: <http://svpressa.ru/economy/article/27995>

¹⁰ Костиков В. Кто похоронил «гегемона»? // Аргументы и факты. – М., 2009. – № 17. – С. 6.

средство (механизм) преодоления антагонистических противоречий и достижения устойчивого социально-экономического развития. В процессе реализации этих реформ попутно будет решена и проблема коррупции.

Начать революционные по своему характеру организационно-управленческие преобразования следует с науки, поскольку в научной сфере в настоящий момент ситуация архискверная. Хуже не будет. Напомним здесь о том, что необходима принципиально новая система государственного управления наукой¹¹. В составе Администрации Президента РФ отдельного структурного звена, управления, которое специально занималось бы проблемами науки как единственной своей задачей, нет. Тогда как потребность в таком административном подразделении, и весьма острая, имеется. Нужна организационно-управленческая структура науки такого типа, которая бы обеспечивала:

- координацию научно-исследовательской деятельности, финансируемой из федерального бюджета;
- разработку эффективной и динамичной государственной научно-технической политики;
- подготовку для президента и правительственных ведомств экспертных рекомендаций по научно-техническим аспектам внутренней и внешней политики. Такой круг обязанностей Министерству образования и науки РФ, как и его предшественникам, явно не по силам. Поиск новых организационных структур науки был весьма тернистым и в других странах.

* * *

В последнюю четверть XX в. в большинстве развитых стран мира произошло осознание того факта, что революции совершаются не на баррикадах, а в научно-исследовательских лабораториях с помощью своевременных кардинальных преобразований инфраструктуры научно-технологического развития. Конкретное проявление это осознание имеет в принятии законов, снимающих социальную напряженность в обществе, и в структурных реформах. В качестве примера, повторим, приведем США, принявших в 1980-е годы серию законов подобного рода.

Корпорации США, пресса, многие политики на протяжении ряда лет выступали с серьезными претензиями к собственному правительству, жалуясь на неравенство условий конкуренции: им, мол, приходится поодиночке бороться с «Джэпэн инкорпорейтед», т.е. объединенными силами японских концернов, активно поддерживаемых государством. Конгресс США колебался довольно долго, но все же растущий из года в год дефицит в торговле с Японией, как и успехи других конкурентов, убедили американских законодателей.

В первой половине 1980-х годов последовал целый ряд законодательных актов, направленных на поощрение нововведений в промышленности и расширение связей частных корпораций с университетами. К ним относятся Закон Стивенсона – Уайдлера об инновациях (Stevenson – Wydler innovation act, 1980); Закон о единой патентной политике федерального правительства (Uniform federal patent policy act, 1980); изданное Министерством юстиции Руководство по применению антитрестовского законодательства в отношении совместных венчурных исследовательских предприятий (Justice department's antitrust guide concerning research joint ventures, 1980); Закон об оздоровлении экономики (Economic recovery act, 1981); Закон о развитии инноваций в малом бизнесе (Small business innovation development act, 1981); и, наконец, главный юридический документ всей серии, разрешающий сотрудничество промышленных фирм в сфере ИР, – Закон о кооперации в исследованиях 1984 (The national cooperative

¹¹ Подробно об этом см.: Авдулов А., Кулькин А. О стратегии партнерства науки и власти // Свободная мысль. – М., 2009. – № 1. – С. 85–100.

research act of 1984), принятый, кстати, Конгрессом единогласно¹². Таким образом, в 1980–1986 гг. Конгресс устранил юридические препятствия, стоящие на пути развития кооперации в области научных исследований, и создал в стране атмосферу, благоприятствующую этому процессу.

Изменение антимонопольного законодательства открывает, в сущности, возможность для некоторой коррекции производственных отношений в обществе. Ведь речь идет о науке как об одном из элементов производительных сил, о капиталовложениях в ИР, о правах собственности на результаты исследований. Ну а как в связи с этим обстоит дело с конкуренцией? Отражается ли появление коллективных форм ИР на остроте конкурентной борьбы между фирмами, корпорациями, странами? Ведь объединяются именно те, кто ведет борьбу за рынки, за потребителя. Нет ли противоречия между новыми формами ИР и принципом свободы конкуренции? Противоречие, конечно, есть. Но оно не является антагонистическим и, как свидетельствует практика, мирно разрешается благодаря двум обстоятельствам.

Первое обстоятельство – это ограничение коллективных ИР так называемой «доконкурентной» стадией работ. Совместно решаются фундаментальные научные проблемы, исследуются новые физические эффекты и способы их использования, изыскиваются принципиальные технические решения, создаются макеты и прототипы, экспериментальные стенды и комплекты оборудования для апробации новых технологий, но не конкретная рыночная продукция. Цель кооперации – поднять на новую, более высокую ступень общий технический уровень определенной отрасли или подотрасли промышленности. Поэтому совместные исследования влияют не на конкуренцию между участниками, а на конкурентоспособность каждого из них, поднимают ее и тем самым, по сути дела, усиливают и конкуренцию, но на ином уровне, достигнутом общими усилиями.

Второе обстоятельство состоит в том, что коллективные ИР организуются частными фирмами не вместо собственной исследовательской базы и не в ущерб ей, а лишь наряду с ней и в дополнение к ней. Сокращения затрат на собственные исследования не наблюдается, напротив, они возрастают. Решение ключевых проблем своей технической политики и стратегии фирма никаким коллективным организациям не делегирует, а полностью оставляет за собой. Собственный научный потенциал является, кроме всего прочего, необходимым условием равноправного участия в кооперации и возможности извлечь из нее наибольшую пользу. А возможность выбора между собственными, заказанными на стороне или коллективными исследованиями обеспечивает доступ к расширенному «резервуару» научно-технических ресурсов и позволяет выбирать оптимальную гибкую тактику.

Итак, 1980–1990-е годы стали в передовых странах мира, в том числе в США, десятилетиями крупных изменений в методах разработки и реализации государственной экономической и научно-технической политики. В силу объективных особенностей современного этапа развития производительных сил и общества в целом указанные изменения выразились, во-первых, в еще более тесном, чем в предыдущие периоды, сращивании научно-технического прогресса с экономическим и социальным и в дальнейшем возрастании роли науки и новых технологий во всей жизни общества, и, во-вторых, как следствие этого, в смещении центра тяжести мероприятий по развитию научно-технического потенциала из центра в регионы. Региональные программы обрели значение и масштабы, сопоставимые со значением программ центрального правительства. Часть последних, и довольно значительная, сегодня тоже ориентирована на развитие региональных научных центров и решение региональных проблем (программы ННФ, Министерства торговли и др.). Появились программы, реализуемые совместно с центральными ведомствами, правительствами штатов и округов.

¹² Авдулов А.Н., Кулькин А.М. Власть, наука, общество. Система государственной поддержки научно-технической деятельности: Опыт США / РАН. ИНИОН. – М., 1994. – С. 158.

В какой мере опыт Соединенных Штатов по организации и проведению региональных программ может быть использован на современном этапе развития нашего общества? По-видимому, прямое немедленное копирование здесь практически невозможно, поскольку экономические и социальные условия принципиально различны. С одной стороны, давно и надежно отлаженный механизм рыночного хозяйства, основанный на частной собственности и конкуренции, полная включенность в мировую экономическую систему, устойчивая валюта и изобилие товаров, многолетняя практика социального партнерства, с другой – упадок экономики, жесткая инфляция, развал управленческих структур, дезориентация широких слоев населения, не верящих властям и не привыкших самостоятельно решать проблемы обеспечения собственного благосостояния.

И тем не менее учиться нужно и можно. Хотя и острота, и характер перемен не совпадают, но в обоих случаях речь идет о переходе из одного устойчивого состояния в иное, о реформах и изменениях. И в обоих случаях очевидно, что все зависит не только и даже не столько от центральных властей, сколько от решительности, здравомыслия и последовательности местных органов и самих жителей конкретной территории. Здесь американцы со своими региональными программами дают наглядный урок: реальные планы преобразований не спускаются сверху, а разрабатываются на месте и обязательно при непосредственном участии тех, кому эти планы придется проводить в жизнь. «Верхи» могут дать направление, могут помочь экспертизой и советом, но любые их благие пожелания повиснут в воздухе, если не будут поняты непосредственными исполнителями. Стало быть, необходима очень большая, активнейшая разъяснительная работа с этими исполнителями – с представителями властных структур, с руководителями производственных организаций всех рангов, с коллективами. Нужно добиваться консенсуса и реализовывать все то, пусть и малое поначалу, о чем договорились.

Кто это должен делать? Американский опыт региональных преобразований свидетельствует о том, что целесообразно иметь специальные органы консультативного характера, достаточно представительные, чтобы их предложения были авторитетны. Они могут быть созданы и при законодательной, и (обязательно) при исполнительной власти на местах. Их задача – конкретизировать общий курс реформ применительно к местным условиям, определить сильные и слабые стороны местной экономики, пути реализации возможностей сильных звеньев и меры по их укреплению, развитию слабых. На эту работу необходимы средства и наиболее квалифицированные, энергичные, способные повести за собой специалисты.

Что же касается содержательной стороны региональных программ, то тут, по-видимому, можно использовать все, что позволяют условия региона. Главный методологический момент – это создание инфраструктуры, нацеленной на достижение желаемого результата. Для наших регионов это означает прежде всего создание элементов инфраструктуры здорового рынка, изменение отношений собственности, обеспечение возможностей и права для всех работать в рамках новых законов и реально пользоваться результатами своего труда.

А.М. Кулькин. Наука в России: Процесс деградации или перспективы ее возрождения?: Монография / ИНИОН РАН. – М., 2015 г., с. 91–103.

Место и роль ислама в регионах Российской Федерации, Закавказья и Центральной Азии

Обзор мусульманских идеологических течений в Волго-Уральском регионе (XX-XXI)

Л. Алмазова, кандидат философских наук, доцент, руководитель научно-образовательного центра «Письменное наследие и археография» Казанского (Приволжского) федерального университета

Территории современных Татарстана и Башкортостана издавна представляли собой окраину мусульманского мира, а после завоевания Казани Иваном Грозным и вовсе перестали считаться территорией «дар ал-ислам»¹³. Население региона еще более отдалила от исламского мира эпоха советской власти. Между тем интерес представляет то, что, несмотря на географические, исторические, культурные и другие отличия, тенденции развития исламских идеологических течений в указанном регионе схожи с теми, которые наблюдаются среди мусульман по всему миру. В данной статье это положение рассматривается на материалах, относящихся к двум хронологическим периодам – началу XX в. и современности.

Процесс модернизации ислама в конце XIX – начале XX в

Столкновение двух миров – бурно развивающегося Запада и «застывшего в своих средневековых сновидениях» Востока – ознаменовалось для мусульманского культурного ареала эпохальными сдвигами в области мировосприятия, особенно в столицах исламских государств, в среде просвещенных элит. В самом мусульманском сообществе появляются различные идеологические направления, представители которых определяют векторы развития социума с самых разных позиций. Поскольку в большинстве случаев все вопросы – политические, социальные, культурные – рассматривались через призму религии, то и основное разделение определяется выяснением религиозных позиций.

К концу XIX в. в мусульманском сообществе совершенно очевидно проявились две основные силы: консерваторы (традиционалисты) и реформаторы.

Следует отметить, что явление традиционализма, согласно классификации Уильяма Шепарда, характеризуется такими чертами, как следование таклиду¹⁴, стремление к сохранению власти мусульманских ученых, преобладание средневековых традиций в области образования и нежелание меняться с течением времени [Shepard 1987].

Реформизм в свою очередь можно разделить на тип фундаменталистской реформы и тип модернистской реформы [Knysh 2011: 457]. Первый включает в себя выборочное усвоение западных технологических и институциональных достижений и приведение ислама в соответствие с тем, как их проponentам представляется ислам времен Пророка Мухаммада. Однако на первый план к концу XIX – начала XX в. выходит второй тип реформизма, при определе-

¹³ Понятие «дар ал-ислам» – «территория ислама», где мусульмане могут свободно исповедовать свою религию, противопоставлено понятию «дар ал-харб» – «территория войны», на которой мусульмане находятся в притеснении и против которой они могут вести священную войну – джихад.

¹⁴ Принцип таклида – следование мнению мусульманских ученых (улама) в решении спорных вопросов – противопоставляется принципу иджихада – самостоятельного суждения на основе положений Корана и Сунны (сборник высказываний и изложение деяний Пророка Мухаммада).

нии которого уместно прибегнуть к термину «модернизация». Если модернизация – это изменение в ходе времени всех сторон жизни общества, технологический, научный и институциональный прогресс, то, соответственно, модернизм – это идеология, стремящаяся к изменению сознания в соответствии с изменившимися условиями жизни. Модернистская реформа в лице своих лидеров – Джамаладдина Афгани, Мухаммада Абдо, Касима Амина и др. – стала доминирующей тенденцией в начале XX в.

Ее характеристиками были: теологическое обоснование идеи свободы воли, абсолютизация роли разума, призывы к обновлению посредством иджтихада, возвращение женщине ее прав. Все это сопровождалось всплеском внимания к тексту Корана как первостепенному источнику принятия решений и, как следствие, к повышению его роли в фикхе¹⁵

¹⁵ Фикх – мусульманское право.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.